

Задача о «Донских рассказах» М. Шолохова

Е.Н. Демиденко

Автор: Демиденко Елена Николаевна, учитель русского языка и литературы средней школы № 3 г. Спасск-Дальний Приморского края.

Предмет: Литература.

Класс: 11.

Тема: Художественная концепция гражданской войны в «Донских рассказах» М. Шолохова.

Профиль: Общеобразовательный.

Уровень: Общий.

Текст задачи. Гражданская война предстаёт в раннем творчестве М. Шолохова как трагедия, как путь расчеловечивания человека. «Донские рассказы» (1926 г.) — это не просто начало, это истоки творчества Шолохова, это подступы, предыстория «Тихого Дона». Почему этот цикл Шолохов открыл коротким трагедийным рассказом «Родинка»? Ведь в трёх книгах, составивших «Донские рассказы» — «Донские рассказы», «Лазоревая степь», «О Колчаке, крапиве и прочем» —

были вещи и более монументальные, многоплановые?

а) Выделите ключевые слова для информационного поиска.

б) Найдите и соберите необходимую информацию.

в) Обсудите и проанализируйте собранную информацию.

г) Сделайте выводы.

д) Сравните ваши выводы с выводами известных людей.

Возможные информационные источники

Книги:

Бритиков А.Ф. Мастерство М.Шолохова. М.: Просвещение, 1964.

Саратова Л.Г. Брат на брата, сын на отца... // Литература в школе. 1993. № 4.

Web-сайты:

www.philolog.ru

www.lit.1september.ru

www.vip.ru/vshool

www.litra.ru

www.bestreferat.ru

www.5Ballov.com.ru

www.Lib.ua-ru.net

Культурный образец

Чалмаев В.А. М.А.Шолохов в жизни и творчестве. М.:ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2006.

«Родинка» — прежде всего однокоренное слово с очень высокими многозначными словами, целыми понятиями: «народ», «род», «родник», «породниться», «Родина», «родство», «рождение»... Без этого расширения смысла названия неясен будет финал рассказа: самоубийство отца после трагического узнавания в убитом им

красноармейце сына. Может быть, такое название вообще несколько монументально для произведения малого жанра? Но смелость, с которой Шолохов сделал ставку именно на скрытый монументализм, на веер смыслов в рассказе, говорит о том, что он уже предчувствовал сюжет «Тихого Дона». Да и как иначе через изображение невольного сыноубийства показать трагедию всеобщего разрыва, разъединения, своеобразное разобщённое состояние мира? Ведь отец в ходе рассказа осознанно рвётся к сыну, к родному дому, сын тоже уже изнывает от своего ремесла убийцы, карателя. «Родинка» — это трагический фокус узнавания самых сокровенных, делающих человека человеком устремлений, через которые вдруг, внезапно переступили оба героя.

Священна ли жизнь человека, тем более родного, или через неё можно переступить в молодом запале ради какой-то абстрактной, быстро истощающейся социальной идеи? Этот вопрос возникает и перед Григорием Мелеховым: и он будет впадать в отчаяние, будет искать смерти после сцены рубки матросов. Можно ли вообще оправдывать убийство брата, сына, отца «железной» формулой: он, мол, одного с тобой рода, да не одного класса, не одной партии?

«Родинка» — явный вызов всем, кто хотел бы начать литературу с самих себя, рассказ-возвращение к традициям русской психологической новеллы в целом. Характер человека для Шолохова — не функция, он сам способен изменить, сломить любую затейливую сюжетную игру. Особенно в том случае, если характер вовлечён

сразу в два сюжета — внешний и внутренний.

Рассказ «Родинка» имеет два начала, две отправные точки для развития не одного, а двух, то переплетающихся, то сливающихся сюжетов. Один из сюжетов — предельно наглядный, политизированный, «классовый» (в духе 20-х годов) — сюжет внешний. Другой же — внутренний сюжет, раскрывающий главную боль и тревогу писателя.

Первым сюжетом легко управлять. Его можно растягивать, удлинять за счёт новых подробностей. Второй же, имеющий в «Родинке» свою кульминационную точку — смерть обоих героев, сына и отца, самоубийство отца-скитальца, — практически во многом вне власти автора. Он внезапен, живёт по своим законам. И не убить себя отец, виновник смерти сына, не может. Ему уже некуда вести банду, некуда идти самому.

Первой опорной точкой внешнего сюжета является появление (и характеристика) молодого героя рассказа Николая Кошевого, командира красного эскадрона. Является скорее даже не герой, а анкета, бегло, наполовину заполненная: «Кошевой Николай. Командир эскадрона. Землероб. Член РКСМ».

Отправной точкой в развитии внутреннего сюжета является не просто первое внеанкетное, но и чужое бюрократизму воспоминание того же Николки о детстве, об отце и былом родном доме. Шолохов уже очень осторожен, он не объясняет ещё смысл названия «Родинка», а только походя сообщает, что у Николки, как у отца, родинка на левой ноге величиной с голубиное яйцо. В

условиях 20-х годов, когда важнее родства стала «классовая близость», является (в противовес сухой анкете) мимолётное воспоминание Николки:

«Помнит будто в полусне, когда ему было лет пять-шесть, сажал его на коня своего служивского.

— За гриву держись, сынок! — кричал он, а мать из дверей стряпки улыбалась...»

Какие глубины сознания и подсознания озаряла эта вспышка не просто мирных, а идиллических воспоминаний? Об этом можно только догадываться по признанию Николки: «...а я уж уморился так жить...» Уморился от безотцовщины, сиротства, от сабельных походов. Отец и мать, по существу, учили любить жизнь, а здесь опостылевшим ремеслом стала ненависть, ремесло с очень приблизительным, на уровне агитки «оправданием», а часто и без оправдания, просто «по приказу».

В «Родинке» всё «отщепенство» атамана держится на несколько нарочито «зверских» акциях героя да на постоянном подвывании символического волка. Но иной сюжет, полураскрытый, внутренний, вдруг заявляет о себе даже в этих картинных зверствах. Скажем, в испытании атаманом мельника Лукича: «Божись, что не за красных стоишь? Да не крестись, а землю ешь...» Не пытается ли герой скорее скрыть что-то идеальное, совсем не зверское в душе? Какое же это неумелое, нарочитое, подсказанное агиткой «зверство»? «Внутренний сюжет» неумолимо напоминает о себе, подсудно вырывается, доносит мысль автора. Не мести ищет атаман, не волк он вовсе, а человек, идущий к дому, к сыну. Шолохов, как мы видим далее, выде-

ляет и в волке тягу к дому, к волчатам, т.е. волю к жизни: «На стременах привстаёт, степь глазами излапывает, вёрсты считает до голубенькой каёмки лесов, протянутой по ту сторону Дона... Боль, чудная и непонятная, точит изнутри, тошнотой наливает мускулы, и чувствует атаман: не избыть её и не залить лихоманку никаким самогоном».

Внешний сюжет складывается сравнительно легко: конфликтующие стороны явно в нём управляются автором. Всё в рассказе под его контролем до тех пор, пока не вступает в действие тема «родинок», тема *трагического неузнавания отцом сына*. Чужая жизнь давно потеряла для обоих ценность, они вплотную подошли к порогу, за которым и жизнь родных людей почти утрачивает святость. Это по существу **ведущая тема всего цикла** «Донских рассказов»: и рассказа «Семейный человек», в котором перевозчик Микишара убивает сына Ивана ради спасения других своих детей, и рассказа «Продкомиссар», где комиссар по продразвёрстке Бодягин ведёт на распыл отца-стяжателя. Но и в этих рассказах, в отличие от «Родинки», присутствует или объяснение в ненависти, или даже приглашение к совестному суду, к принятию мученического венца. «У тебя — жена с дитём, а у меня их семеро по лавкам», — говорит, оправдываясь, Микишара умирающему сыну.

Поучительно, что согласно двум сюжетам — внешнему и внутреннему — «Родинка» обретает и две концовки. Одна из них — гибель Николки от рук налетевшего коршуном атамана. Правда, и сам Николка в рамках этой концовки выглядит не меньшим кор-

шумом: в разгар боя атаман «издалека увидел молодое безусое лицо, злобой перекошенное». Оба героя — схожие компоненты недолговечного и ужасного «политического пейзажа». И продолжение этой концовки, максимально приближающее отца к трагедии неузнавания: решение атамана, выработанное в годину ожесточения, бесчувственности, — снять хромовые сапоги с убитого... Рассказ мог быть вообще закончен на этом последнем «волчьем» деянии, на ноте ожесточения и злобы.

Но такая концовка маловероятна, а в шолоховском рассказе даже невозможна.

Николка ещё не имеет опыта страданий, скитаний. Важен жизненный опыт, высота ноты тоски и боли, а этим атаман явно превосходит сына. Если бы бой окончился иначе, не было бы высокой ноты очищения, покаяния, вопроса к судьбе, к истории! В конце концов более грешен отец: он ещё мог принимать решения без анкеты РКСМ. Не было бы крика, протеста героя против абсурдной истории, навязавшей всем размежевание, попрание жизни.

«...Всмотрелся и только тогда плечи угловатые обнял неловко и сказал глухо:

— Сынок!.. Николушка! Родной!.. — Кровинушка моя...

Чернея, крикнул:

— Да скажи же хоть слово! Как же это, а?»

С этим вопросом, сложнейшим по своей нравственной тревоге —

тревоге за множество родов, за Родину, родню, — и уходит герой из жизни, завершая сокрушенный внутренний сюжет. Значит, был в его душе уголок, в котором хранились святыни семьи, рода, надежды на повторение себя в сыне...

Шолохов объективно возвысил белого офицера, прозревшего и пересмотревшего красную и белую идеи, возвысил душу, изжившую их как ведущих к разрушению рода, Родины.

Уже в первом рассказе «Родинка» Шолохов смещает акцент с социальных конфликтов на общечеловеческие. Гражданская война для него — катастрофа, в которой рушатся человеческие связи. Здесь нет правых и виноватых, а значит, и не может быть победителей.

Методический комментарий

Цель: выявление шолоховской концепции гражданской войны.

Для решения задачи учащиеся должны уметь определять идейно-художественную роль элементов сюжета, обосновывать авторский замысел и «авторскую волю» в раскрытии сюжета, системы образов. В ходе работы учащиеся определяют тематику и проблематику «Донских рассказов», расширяют понятие «сюжет» через разграничение сюжета на внутренний и внешний, определяют новизну, вклад М. Шолохова в развитие русской психологической новеллы в целом.